

ДМИТРИЙ КОВАЛЕВСКИЙ

**ВОЛКИ
И ВЕТЕР**

Дмитрий Ростиславович Ковалевский

Волки и ветер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70556131

SelfPub; 2024

Аннотация

Сарра – юный волчонок, которому только предстоит пройти путь взросления. Познакомиться с такими вещами, как честь, ответственность и любовь. Голосу природы вторят и обстоятельства: стихия обрушилась на Тундру. Разбушевавшийся Ветер грозит смертью родной Стае волчонка и всем прочим обитателям снежных степей. А ключ к победе над хаосом спрятан где-то на этом пути.

Дмитрий Ковалевский

Волки и ветер

Одно из многочисленных путешествий, совершённое мною в бородатом году, привело меня на север, где я наткнулся на глухую деревушку под названием Сарран.

Деревушка эта рассыпалась на обрыве среди заснеженных лесов Тундры. Люди там жили незатейливые и добродушные. Жили в расписных вигвамах из животных шкур. Румяные и улыбчивые. Именно они научили меня писать слово «Тундра» с большой буквы. И ещё кое-чему научили.

Всё дело в том, что в те времена жила в Сарране одна бабушка, которую звали Чаха. Она была очень старой и, наверное, даже слепой. Но ведала она многим; что оказалось для меня самым важным – она ведала местными преданиями.

И вот, на второй вечер моего пребывания в Сарране, меня привели в её жилище. Костёр игрался золотистыми тенями на кожаных стенах. Пахло гарью и потом. Вместе с жителями деревни мы сидели вповалку вокруг очага и слушали сиплый голос старухи. И заслушивались.

В тот вечер Чаха рассказала нам историю о волчонке по имени Сарра, что жил в этих землях задолго до прихода людей. И о волшебной его маме. О его успехах и неудачах. О

силах и о природе.

Как я понял уже потом, когда отправился спать, это была история ещё и об ответственности, чести, любви и жизни. О взрослении.

В ту самую звёздную ночь, когда в небе пылали трещины далёких галактик. В ту ночь, когда в дрёме мне привиделся озорной серый зверёк, я понял – ясно понял, – что этой, если желаете, притчей, необходимо поделиться.

И вот, я излагаю её. Местами чрезмерно чувственно, местами – цинично. Однако таким я запомнил сказ о волчонке по имени Сарра, сыне своей Матери.

И таким я его записал.

***

Высоко-высоко над Тундрой, в бескрайнем тёмном море, один за другим начали подниматься паруса. Звёзды, словно молчаливые наблюдатели, повисли над головами редких ночных зверьков и многолетних сосен. Среди огоньков на безоблачном небосклоне умещалась Луна: такая величественная и загадочная, она одна мнилась ярче и ближе чужих светил. Придёт пора, и звёзды сгинут, погаснут навсегда, и на их местах вспыхнут новые зарницы, и образуют новые созвездия. Но даже тогда, кажется, Луна останется на прежнем месте, продолжит тёмными ночами озарять северные снега своим серебристым взглядом даже когда лишится всех сво-

их сестёр.

Ниже – совсем земной Ветер касался зелёных спиц. Те – неслышно танцевали, мерцая волшебными искрами. Покуда маленькие иголки светились в своём причудливом танце, серые стволы деревьев стоически терпели трескучий мороз, опустившийся на их могучие плечи, да сами трескались порою. Тайно помышляли они о наступлении утра.

Так славно им было вместе: Ветру и тонким зелёным листьям, что всякие мысли вовсе покинули их. Оттого сложно было сказать, почему ветер не спустился к Сарре: ни-то знать не знал о волчонке, ни-то думать не думал, ни-то не отваживался.

Сарра тенью рыскал среди щедро рассыпанных деревьев. Иногда на мгновение зверёк задумывался о том, какая глубокая обида заставила гигантов отпрянуть друг от друга, поклясться годами не касаться собратьев даже кончиком ветви и держать эту клятву. Ведь хорошо помнил: таким же лес был и вчера, и позавчера. И Мать-Волчица сказала однажды: «Не бывает в природе случайностей, как и во всём живом».

Вспоминая слова Кормилицы, волчонок быстро возвращался к делу. «Не она ли велела мне полагаться на нюх свой и зоркий охотничий глаз?», – думал Сарра.

Он выслеживал добычу: проделывал себе путь в глубоком снегу, порой проваливаясь в мягкую белизну по самое брюшко. Далеко позади он оставил и лежбище, и Мать-Вол-

чицу. Должно быть, нынче его со Стаей разделяла добрая лига. И никто не помешает юному добытчику в его охоте. И никто не поможет...

Следуя за тонким запахом первой в своей жизни дичи, Сарра не заметил, как лес вокруг него расступился, и он оказался на хрустящей молочной равнине. От идеала земную поверхность отделяли разве что случайные сугробы-одиночки. Однако даже с ними смыслённый зверь сумеет позабыться, ежели выкопает в таком сугробе нору.

Но волчонка мало интересовал снег. Он поднял мордочку к виновнику беспокойного ночного торжества: диск Луны напоминал нору в авантюрно-синем потолке неба. В ней, наверное, прятался какой-нибудь Небесный Волк.

Услышал отдалённый вой, раздававшийся со всех сторон. Было несколько стай, но вот чего ради волки делали это – было решительно непонятно.

Зачем вообще выть на Луну? Может, они говорят с Небесным Волком? Зовут его?

– Эй, Небесный Волк, – завопил он что есть мочи. – Выходи! Я, Сарра, сын своей матери, хочу взглянуть на тебя и, быть может, поиграть с тобой!

А что, если Небесный Волк старый и скучный, как прочие Взрослые? Тогда он не захочет играть со мной или вовсе наругает за мою шальную выходку. Мне нужно скрыться от взора его, покуда Небесный Волк не заметил меня!

Ринулся прочь, перерезал равнину и маленькой серой стрелой вонзился в колки против леса. Мимо него пронеслось ещё очень много одинаковых серых стволов, прежде чем волчонок твёрдо упёрся лапками в промёрзшую землю. Здесь!

Нюх, как обычно, подводил его – это было непозволительной слабостью для хищника, – но вот слух... Точно, он слышал заячий лепет. Да, эта охота будет доброй, победоносной, первой!

Двадцать метров вслед за Ветром. Гнаться за светом и чувством.

Сарра слишком рано и слишком смело выскочил на бледную поляну. Точно диковинным кольцом обвили её склочные братья. Кругом таились в редкой чаще тени – раздолье для перепуганной жертвы.

В рыхлом снегу и вправду барахтался заяц: его меловая шёрстка, хотя и сливалась с покровом, не ускользнула от хищного взора ночного зверя.

Но Сарра допустил ошибку – позволил себе резво выпрыгнуть из засады в миг, требующий осторожности.

Заметив крадущегося врага, ушастый взвыл пуще прежнего, однако с места не сдвинулся.

Раздражённый отчаянным воплем и жутко озлобленный на собственную нерадивость, Сарра заковылял к своей цели. Волчонок шагал горделиво, но по-детски неуклюже, остав-

лял в белом ковре глубокие голубые следы.

Лишь подобравшись к лёгкой добыче вплотную, Сарра понял, что зайчик не пытается спрятаться за припорошённой веткой. В конце концов, зайцы отличаются трусостью, но не глупостью. Нет, разгадка странного поведения косокрылась в том, что крупный лапник сорвался с одной из крон и перебил зверьку ножку.

Догадавшись, что положение его всё крепнет, волчонок выпрямился и блеснул едва прорезавшимися клыками. Заяц жалобно дрогнул и уставился на свою Погибель, всеми силами стараясь выстрадать себе ещё несколько драгоценных секунд жизни.

– Ты попался, заяц, – хвалился Сарра, поглядывая на добычу сверху вниз. – знай, что горем твоим стал Сарра, великий охотник!

– Ветвь, она сорвалась с самого высокого дерева и придавила меня, — плакал заяц. – так обращаюсь я к милосердию твоему, Сарра, великий охотник! Помоги мне спастись из ночной чащи-пущи. Ежели движет тобой природа твоя, то загуби меня быстро.

– Да быть ли мне великим охотником, коли я позволю уйти своей добыче?

Сарра грозно зарычал – это у него выходило отменно! Иногда ему удавалось напугать даже Мать-Волчицу или других Взрослых. Заяц сжался от страха и зажмурился, но да-

же так было ясно, что под сомкнувшимися веками очи его исполнены последним ужасом, испытать который доводится лишь единожды.

Над ними что-то зашелестело и заухало. Это был старый Филин. Сарра много раз наблюдал, как тот парил ночами среди ельников в поисках пищи. А следом за ним мчался, не оставляя следов на снегу, крылатый силуэт. Говорили, дескать филины – настолько ловкие хищники, что умудряются прожить всю жизнь, ни разу не коснувшись земли. Вот и сейчас грузная туша его опустилась на одну их нижних веток.

Сарра всегда мечтал стать таким же, как Старый Филин, но Мать-Волчица однажды сказала ему, что волкам крылья не даны. Не бывает в природе случайностей, как во всём живом, пела она, наши судьбы различны. Волкам – не суждено парить в воздухе, а филинам не ступать на нашу твёрдую землю.

– Сарра, когда я был в небе, я видел, как ты бежал сквозь лес, выискивая жертву. Теперь я вижу в тебе взрослого хищника, одна мысль о котором до слабости в костях станет пробирать зверей. Я прилетел, чтобы лично узреть восхождение новой легенды Тундры и возвестить все известные мне края о твоей храбрости.

Внимая словам подлого Филина, Сарра снова опустил взгляд на зайца. Косой попытался закрыть мордочку ушами, чтобы защититься от волчонка.

– Понимаешь ли ты, о чём просишь? – воскликнул Сарра,

обращаясь к несчастному. – Ты хочешь, чтобы я с позором вернулся к Стае. Чтобы родная Мать-Волчица отказалась от меня? Кем же я стану, если помогу тебе?

– Ты станешь трусом, – подсказал Филин.

В беспамятстве ушастый предпринял последнюю попытку достучаться до своего мучителя. Даже в час кошмаров врождённая хитрость не покидала его.

– Мне доводилось слышать, – лепетал он. – что ваш род славен честью и отвагой. Вернёшься ли ты с честью, добыв забитого судьбою зверя? Исполнится ли отвагой сказ о твоей охоте, в которой ты сразил едва живого?

Больше нависавшего хищника, заяц испугался только своих слов. Не разозлит ли он молодого волка пуще прежнего? Но Сарра уже позабыл о дичи и смотрел на косоногого пустым взглядом. Он никогда прежде не слышал слов «честь» и «отвага», и уж конечно, не подозревал, что за ними скрывается. Тем не менее, сердцем волчонок уже почувствовал, что заяц прав. Неясно только, почему.

Он медлил, поэтому Филин решил вновь разжечь азарт:

– Что с тобой, великий охотник? – лукавил он, сощурился глазами. – Неужели ты испугался какого-то зайца? Быть может, я ошибался в тебе. Если ты настолько слаб, Сарра, то я заберу себе твою добычу!

С этими словами Старый Филин слетел со своей ветки и спланировал к ним. «Нет!» – закричал Сарра. Нельзя было отдавать зайца Филину. Почему нельзя? Потому что честь!

Потому что отвага! Не разбирая, что он творит, волчонок подпрыгнул так высоко, как только мог, и вцепился клыками в крыло. Филин страшно завопил и замахал крыльями, что есть мочи. Заметались перья, разлетелся пух, будто разбившийся снежок. Филин извернулся, и ему удалось вырваться из пасти Сарры. А пух с перьями медленно вальсировали, опускаясь на поляну.

– Я расскажу всем известным мне зверям, – вопил Старый Филин, улетая прочь. – прокричу над всеми лесами мира о том, что Сарра, сын своей Матери, – жалкий трус!

– Это ты трус! Это ты... ты – никчёмный охотник! – вопил Сарра ему вслед, отплёвываясь. Даже вкус вредного Филина казался едким и противным.

Заяц, вовсе обезумевший от развернувшегося кошмара, потерял дар речи. Но лишь на мгновенье. Мгновенье минуло, и он подал голос:

– Теперь ты... съешь меня? – жалобно спросил он.

– А как бы поступил на моём месте честный волк?

– Откуда же мне знать? Я знаю только, как поступил бы честный заяц.

– Но я не заяц. Честный волк подчиняется природе. Если наказала она добывать пищу в охоте на равных: сильных или быстрых, – так и должно поступать. Пускай подлый Филин терзает слабых.

И Сарра сбросил лапник, придавивший зверька. Большо-

му и сильному волчонку ветка легко поддалась.

Оказавшись свободным, заяц дёрнулся в сторону от своего спасителя, но всё же остался на месте, ожидая чего-то.

– Что же ты стоишь, дурак? – спросил Сарра, уныло махнув хвостом. – Беги, пока я не съел тебя!

– А ты не съешь меня, теперь я это знаю. Сарра, быть может, и не великий охотник. Но честный и отважный. Вон, как ты вцепился в Старого Филина! А его весь лес боится!

Конечно, Сарра знал, что хищники не боятся Филина, но не захотел расстраивать нового друга. Заяц подпрыгнул и радостно потряс коротким хвостиком. Сарра молча смотрел в снег – он был огорчён, но не понимал, что тревожит его природу. Сомнения поселились глубоко внутри его души. Неужели он взаправдашний трус? Почему он не схватил добычу, так удачно оказавшуюся беззащитной?

– Ты не трус, Сарра, – продолжал ушастый, словно отвечая на его вопрос. – Филин, может, и ловок, но глуп. А душа его скверна. Но ты не сердись на него. Он такой не по своей воле. Такова природа хищных птиц. Главное, что он не прав: ты не испугался, ты просто услышал.

– Кого я услышал? Тебя?

– Нет, ты услышал себя, а возможно, кого-то внутри себя.

Так странно, подумал Сарра, разве может быть кто-то внутри меня? С другой стороны, если внутри Луны живёт Небесный Волк – то почему внутри меня не может жить Волчий Волк?

Наконец, заяц опомнился. Его собственная природа говорила о том, что оставаться на одной полянке с волком, пусть даже маленьким, – опасно. И он отскочил в сторону, развернулся и прогарцевал прочь, прихрамывая на перебитую лапку. Напоследок, он бросил добрый взгляд на юного охотника.

– Спасибо тебе, Сарра, сын своей Матери, – сказал он. – Я хочу, чтобы ты знал, что сегодня ты сохранил жизнь зайцу по имени Нисс. Так меня зовут – Нисс.

Сарра ничего не ответил; он даже не поднял взгляд на Нисса, и тот исчез в нагом подлеске.

Что же это такое, думал волчонок. С чем теперь я вернусь к Матери и Стае? С «честью» и «отвагой»? Разве же ими можно насытиться? Или хотя бы похвастаться. «Что ты принёс нам на ужин, Сарра?», «О, я принёс вам честь и очень аппетитную отвагу!».

– Слышишь, Небесный Волк! Я никогда больше не ошибусь!

«Ошибёшься, и не раз» – услышал он отзвук где-то глубоко внутри себя. От испуга Сарра пошатнулся на месте, но затем снова твёрдо упёрся лапами в землю. Незнакомый глас разогнал сомнения, щекотавшие брюшко изнутри, и волчонок почувствовал себя чистым и свободным.

Кто это сказал? Тот, кто живёт внутри меня? Волчий Волк. Я знаю, что ты разочарован во мне. Я нерешителен, податлив. Мерзкому Филину едва не удалось спутать меня.

Я так мало знаю, но хочу знать всё. И никогда-никогда

больше не сомневаться в своих поступках хочу.

Что такое честь? Честь – это когда ты гордо можешь произнести своё имя. Когда сердце твоё полно добра, а не когда полно твоё брюхо. Когда ты можешь гордиться своими поступками. Значит, честь стоит больше, чем пища.

Но что такое «отвага»? Нисс сказал, что волк должен быть отважным. Отважен ли я? Ха, вот, кто знает все ответы!

И Сарра рванул прочь. Ночная полянка вмиг опустела, и ничто не выдавало теперь случившегося здесь чуда, окромя бурых перьев и рыхлых вмятин в студёном молоке.

А имя этому чуду – взросление.

Он мчался, как ошпаренный, свежий воздух мягко ласкал его мордочку. Одних мышц не хватило бы, чтобы так ловко огибать встречные растения – его подгоняло любопытство, жажда, требующая немедленно вызнать все тайны природы.

Однако природа капризна и своенравна. Властвуя над всем миром, она таит в себе и его основу, и суть его. С ранних лет загадывает всем свои загадки и уж очень неохотно даёт на них ответы. Некоторым, таким как Старый Филин, никогда не разгадать тайн Вселенной. Они слишком заняты тем, чтобы набить свой живот. А затем они спят, пока жизнь проходит мимо.

Отнюдь, природа не прячется от наших глаз. Она окружает и селится внутри нас. Достаточно только отыскать её

след...

Шаги сплетались в бег и не ощущались. Вот сосны перестали мельтешить – Сарра выскочил на ту самую равнину, где совсем недавно познакомился с Небесным Волком. Те же сугробы, следы юрких лапок. В небе по-прежнему сквозила Нора. Она только немного сдвинулась на запад и глазела на Тайгу всё тем же манящим ликом.

Дурманило разум, и Сарра мчался навстречу открытиям и тайнам. Мчался самозабвенно, закрыв глаза...

Так и рухнул бы в обрыв, если бы неведомое волшебство в последний миг не оторвало его от тверди. У волшебства было имя.

– Мама! – воскликнул волчонок.

Мать-волчица держала его за шкурку, а впереди, далеко внизу и за горизонтом, простиралась бесконечность. Местами она была скрыта полуночной дымкой, но жадно притягивала взор, звенела жизнью и пахла неизведанным.

Рухнув рядом с мамой, Сарра рассказал ей обо всём, что произошло с ним в мельчайших подробностях. Кормилица слушала, не отрывая взгляда от бесконечности, и понимающе молчала. Её глаза были прищурены, а сквозь прорези век виднелись очи её, драгоценными камнями взиравшие вглубь мироздания. Они отражались парой галактик, совсем незнакомых. Таких родных.

И только когда сын окончил свой рассказ, она уселась на холодный снег, разгребла меховым хвостом ковёр позади себя и заговорила:

– Ты понял, что такое честь, Сарра. Честь – это выбор. Ты сделал свой, не став убивать Нисса, а Старый Филин сделал свой и остался бит. И заяц сделал свой выбор, решившись заговорить с тобой. Вы оба вышли с той поляны победителями: и ты, Сарра, сын мой, и твой новый удивительный друг.

Цель охоты – не в том, чтобы насытиться, но в том, чтобы исполнить свой долг перед природой. Долг хищника – одолеть жертву, а долг жертвы – бороться за свою жизнь. Вы с зайцем не были в равных условиях. Схватив его, ты бы вступил в борьбу с его природой, ведь судьба велела ему жить.

Ты понял, что такое честь, Сарра; а значит, понял, что такое охота.

– Нисс назвал ещё одно слово, «отвага».

– Отвага, Сарра, это бесстрашие. Это умение позабыть обо всём и броситься на Филина, если сердце подсказывает тебе, что так будет правильно. Отвага – это умение отстаивать свою честь.

– Выходит, я сегодня получил свою честь?

– Ты сохранил её, Сарра.

– Поступить так подсказал мне голос внутри. Я думаю, это был Волчий Волк. Он великий, как Небесный Волк, но живёт внутри меня.

– Что ж, сын, – Мать-Волчица улыбнулась. – Может,

Небесный Волк и правда живёт внутри Луны. Но сегодня он был совсем близко к тебе. Прямо вот тут.

И она ткнула его носом в грудь. Почти рассмеялась.

– Поэтому ты можешь его слышать...

– Так вот, зачем волки воют на Луну, – догадался Сарра. – они говорят с Ним!

– Не совсем. Когда мы воем, мы говорим не с Ним. С Ним вообще не нужно говорить, Он всё понимает без слов. Таким необычным образом волки говорят друг с другом. Вой прекрасно слышен даже на больших расстояниях.

– А о чём они переговариваются? Я не могу разобрать ни словечка.

– О самых разных событиях. Для того, чтобы понять, что это означает, попробуй сам завывать.

– Но... как?

– Расскажи всем-всем волкам в округе о том, что произошло с тобой сегодня. Но учти, ты не должен произносить привычных слов. Ты должен вложить в один только звук все свои чувства и переживания. Давай, вот так; подними голову выше и выпрями спину.

Сарра немного замялся, но всё же вытянулся к небу, закрыл глаза и завыл. Для удобства он всё же представлял, что рассказывает обо всём произошедшем Небесному Волку. Вдруг тот всё-таки не до конца понял. Сарра старался чётко соблюсти последовательность событий: сначала он рассказал о пережитом открытии – вой получился торже-

ственным и громким, затем – о встрече с Ниссом, потом об испытанном смятении – тогда вой сделался тонким и совсем уж жалостливым. Наконец, Сарра завыл о радости от встречи с Матерью-Волчицей и от того, что он сохранил свою честь. Он не был уверен, что рассказывать об этом было необходимо, однако последняя часть прозвучала особенно красиво. Волчонок смолк.

– Очень неплохо для первого раза, – сказала мама. – Думаю, теперь уж точно никто не поверит глупому Филину.

По всей округе послышались отдалённые волчьи голоса – они тоже выли. Сарра вслушался и вдруг понял, что они хвалят его за то, что сегодня он, Сарра, сын своей матери, стал настоящим волком, пускай пока и маленьким.

Луна уже была далеко позади них, а из-за горизонта перед их глазами вставало аппетитное алое солнце, лучи которого покорно отражал снежный покров. Сарра часто размышлял о том, каково солнце на вкус, и тайно мечтал откусить хоть один кусочек, когда вырастет.

– Мама, ты сказала, что судьба велела Ниссу жить. Почему же тогда ветка перебила ему лапку? Ведь это не было чьим-то злым умыслом. Разве это не судьба?

Мама тяжело вздохнула.

– Раньше, – произнесла она. – Я бы согласилась с тобой. Потому что раньше в мире была только судьба, только природа и порядок. Но сейчас в мире появляются новые силы.

И возможно, они нарушают порядок вещей. Скоро всё изменится.

– Но почему? Я не хочу, чтобы всё менялось!

– Это не зависит от нас. Мне тоже нравится наше нынешнее лежбище, но грядут сильные Ветра. Ты уже мог слышать их отголоски. Пока что они бушуют высоко над землёй – наверняка, именно они сломили ветку, которая придавила Нисса.

Сарра вспомнил, что действительно слышал завывания Ветра высоко в короне леса.

– Когда они спустятся на землю и достигнут Первозданной Силы, всему придёт конец.

– Мама, это ужасно! Что нам делать?

– Мы двинемся на запад – далеко отсюда. Там Ветер нас не достанет. Мудрец Ор'Таа знает всё о Ветре, он сам однажды спасся от него. Ор'Таа отведёт нашу Стаю в безопасное место. Но я предупреждаю тебя: нас ждёт долгий и трудный путь.

– А как же другие стаи? Что станет с ними?

– Наступает суровое время, Сарра. Боюсь, нам придётся думать о своей сохранности и быть сильными. Ты ведь сильный?

– Конечно, – кивнул он.

Мать-Волчица поднялась, оставив на снегу причудливый след и медленно зашагал прочь. Вскоре она остановилась и оглянулась: Сарра по-прежнему сидел на краю обрыва.

– Самое главное, береги себя.

– Небесный Волк не даст мне пропасть! – уверенно воскликнул волчонок.

– Он... очень постарается.

***

Перемены наступили слишком уж внезапно и отразились на всех без исключения. Шли угрюмые, носы повесив и глаза опустив. Солнце душило покрепче лишайника, и даже снег, бывший раньше хрустящим, таял и увядал под жаркими его лучами.

Никогда прежде волки не перемещались днём. Бурная жизнь в Стае расцветала под покровом темноты. Одной лишь Царице Ночей дозволялось быть свидетельницей героических охот и грандиозных пиров, мудрых речей и детских игр.

Но стоило Луне спрятаться за верхушками самых дальних западных рощ, как волчье лежбище погружалось в дрему. Первыми спать ложились утомлённые жизнью старцы. За ними – уставшие Взрослые: охотники, хранители и жёны. Назло всему существу, молодняк держался дольше всех. Тем не менее, природа брала своё, и юнцы валялись с ног ещё до того, как солнце успевало выйти в зенит.

Раньше и Сарра поступал так же, но с недавних пор зарёкся никогда не перечить природе, и укладывался с первыми зорями. Так велела природа, и поэтому никогда прежде вол-

ки не перемещались днём.

А сейчас шли днём. Золотое пятно поднялось уже высоко, а они шли. Потому что обещанные Матерью-Волчицей перемены настали. Он ощущал их хвостом, носом и сердцем, однако заметить, как ни пытался, – не мог.

Мудрец Ор`таа вкратце объяснил, что Ветер набирает новую, доселе недоступную ему силу, названную в легендах Первородной. Это случится не сразу, но когда случится... А, впрочем, никто – даже мудрец Ор`таа – не знал, к чему приведёт возвышение Ветра. Он только сказал, что идти ночью нельзя – без присмотра стихия становится совсем необузданной: злой и страшной. В дневное время светило ещё имело власть над Ветром и сохраняло способность усмирить его, как всех других существ. «Поэтому, как бы ни было тяжело, идти придётся при свете дня» – так сказал Ор`таа.

Мудрец вёл Стаю на запад. Вчера ночью он сказал, что там, на западе, кончаются истории. А сегодня – тяжело шагал во главе своры, тоскливо перебирая лапами и громко хрипя – с таким звуком Ор`таа принимался. Следом двигались Мать-Волчица и ещё двое крепких волков: Лаэт и Корсун. Они выглядели бодрее старика Ор`таа, но Сарра хорошо знал, что устали они не меньше. Казалось, вот-вот гнёт раскалённого злата прибьёт их к молоку. Но с каждым новым шагом воля их крепла, а тело слабело.

Волчонок старался поспевать за мамой, да выходило скверно. Он то обгонял её, то заметно отставал. Когда пытался держать скорость, сосны справа и слева от него сливались в мутную кашу и плыли до одурения монотонно.

Час от часу, среди этой каши мелькали и исчезали незнакомые волки – из других стай. Они тоже плелись всем скопом на запад, и у них, разумеется, были свои мудрецы, которые указывали дорогу соплеменникам.

Одного Сарра не мог взять в толк: ежели цель у всех волков одна, почему не могут все стаи объединиться в своём путешествии? Единственной подсказкой стала недавняя фраза Ор`таа о том, что «в тяжёлые времена следует заботиться только о себе и своих близких родичах». Сарре почему-то казалось, что все волки – его близкие родичи, а может быть – и не только волки. Разве о них не нужно заботиться? Этого он не мог уразуметь, потому старался меньше об этом думать.

Голова сделалась совсем ватной от окружающей зелени и дневной духоты. Он почувствовал, что вот-вот начнёт клевать носом. Несколько коротких рывков, и на втором дыхании поскакал вперёд.

Позади запричитали, но без особого раздражения. Убежал и убежал – ничего с ним не случится. Смышлёный малыш, весь в маму. А какой шустрый! Прыг-скок, и не видать его!

Стая осталась позади – затерялась в густом ельнике. И даже Небесный Волк покинул его, устроившись в своей уютной норке по другую сторону планеты. Как и все приличные волки, днём он предпочитал спать.

Сознание вскоре вернулось к Сарре, и он начал любоваться миром. День, о котором волчонок больше слышал, нежели знал на самом деле, оказался... любопытным. Солнце, конечно, не внушало такого благоговения, какое умела навлечь Луна. Потому что стыдливо пряталось, окутав себя ярким светом. Луна тоже светилась, однако не так больно – её бледный ореол манил и притягивал; Царице нравилось, когда ею любовались и уделяли ей должное внимание. В то же время, Царь-Солнце не позволял присмотреться к себе – заставлял жмуриться.

Сарру до того разозлила неприветливость нового знакомца, что даже пропал аппетит. Чего его кусать, ежели он даже поглядеть не даётся? Наверное, и невкусный к тому же!

Тут стоит оговориться, что детёныши волков, равно как и человеческие детёныши, уж очень непокорные. На любую обиду они отвечают вдвое большей, а на любой запрет – небывалой прытью. Вот и теперь волчонок рассердило поведение солнца, и он, забыв о своей немой клятве, на зло законам природы, уставился на Царя.

На несколько секунд егохватило, а потом – белый, белый,

колит, сиреневый, синий, больно, вниз, тесно... Зелёный, а вокруг жёлтые столбы. Сарра открыл глаза.

Где-то наверху парила стайка ворон, но её было скорее слышно, чем видно. Вороны гаркали.

Большую часть видимого теперь занимал сиреневый отпечаток солнца: отчётливое клеймо для непослушных волчат. А наверху парила стайка ворон...

Справа что-то вспыхнуло: ни-то красное, ни-то жёлтое. Это Сарра заметил краем глаза, но слишком отчётливо. Вспышка была не отблеском и не солнечным пятном, разноцветная кипа которых блуждала теперь по лесу. Нет, вспышка была самой, что ни на есть, взаправдашней.

Вдруг из-за сугроба, всего в десятке футов от него, показалась бурая кисточка. Разглядеть её Сарра не успел, так как пред очами по-прежнему рябила непроницаемая пелена.

Волчонок словно участвовал в какой-то забаве, правил которой ему не разъяснили. А вызнать их хотелось, как и всё на свете. Тогда Сарра по-охотничьи пригнулся и бесшумно – как ему представлялось – подобрался к сугробу.

Серьёзной угрозы ждать не следовало: если Ор`таа избрал этот путь, значит, он сравнительно безопасен. Да и другие волки, должно быть, не слишком далеко... Да и кто вообще в силах напугать грозного хищника?

Испугался Сарра, когда повалился на бок – на правый бок.

Нечто грузное, но мягкое и, по первым ощущениям, безобидное, толкнув, выбило его из равновесия.

Не раскрывая век, Сарра попытался нанести несколько точных и сильных ударов лапами, но те очень быстро погрузились в снег, прижаты... другими лапами. Небольшими, мягкими и холодными, излучавшими, однако, тепло.

Раскрыв глаза, Сарра увидел перед собой другого зверька – точную свою копию, на первый взгляд. Только мордашка против него была рыжей с белой шерсткой на подбородке и щеках. И ещё девчачей. Последним отличием, которое волчонок успел заметить, было то, что незнакомка беззаботно улыбалась, а глаза её шустро бегали по его лицу, будто пыжились поспеть за юрким жучком.

Сарра не улыбался. Наоборот, он поймал себя на мысли. Нельзя доверять незнакомцам – не родич она мне. Даже не близко.

– Зачем ты сопротивляешься, – задорно спросила незнакомка. – Ты уже проиграл!

– А я и не играл вовсе, – сердито ответил Сарра.

Давление ослабло. Волчонок высвободил лапы и тут же вскочил, отпрыгнул от непонятого существа и ошетинился. Ничего не произошло: зверёк смотрел на него, чуть склонив голову набок, с каким-то неземным любопытством.

– Кто ты? – поинтересовался юный хищник.

– Меня зовут Ласса, – непринуждённо отвечала она. – Я лисичка. А кто ты такой?

– Я Сарра, сын своей Матери, – гордо задрал нос заявил волчонок. – Я волк. И я никогда не слышал о лисичках.

– А я слышала о волках. Папа рассказывал мне, что вы такие же, как и мы, только...

– «Только» что? – язвительно переспросил Сарра, подавшись вперёд.

– Только серые.

– Зачем ты напала на меня?

– Хотела поохотиться. Я немного отстала от своих или обогнала их. И решила поохотиться.

– Вот глупая! Кто же охотится на охотника?

– Наверное, тот, кто может его одолеть.

Восходящая легенда леса попала в просак. И возразить нечего, и злость берёт. Но злость беспомощная, летучая.

– Ты отбилась от стаи? Может, тебе нужна помощь? – предложил Сарра и тут же осёкся. Помогать нужно только сородичам: так говорила Мать-Волчица, и так говорил мудрец Ор`таа. Но... она так похожа на меня. Даже на груди у неё такое же белое пятно, как и у меня.

– Нет нужды, – отвечала Ласса.

Немного поразмыслив, волчонок сказал:

– И вообще, ты плохо охотишься!

– Да ты что? Тебя-то сцапала!

– А если бы я был в десяток раз больше и сильнее?

– А таких зверюг не бывает!

– Вот ещё! Бывают! Я сам видел, как Риф`фа тащил огро-

омного лося в дюжину футов высотой.

– Врёшь ты всё!

– Чего мне врать?

Так они пререкались ещё минут пять и сошлись на том, что лоси, всё-таки, чуть поменьше, но всё равно огромные. Тогда Сарра решил преподать Лассе пару уроков охоты. Он сам освоил их совсем недавно, и тем не менее, какое-то новое чувство подталкивало его к этому. Рядом с лисичкой он ощущал себя Взрослым – но вовсе не скучным, с сурово нахмуренным лбом, какими он привык видеть старших, а мудрым, ведающим чем-то запретным.

Раньше волчонок полагал, что когда он докопается до всех тайн, не расскажет никому о своих находках ни за какие сокровища. Теперь же он сам рвался поделиться своим знанием с Лассой. Ей удалось смягчить сердце Сарры, и это настораживало. Настороженность эта вызывала не колкий испуг, а приятную щекотку в пятках.

Лисичка была симпатичной – на неё было приятно смотреть. Её рыженький окрас отличался от привычной для волчонка палитры, а шёлковый хвостик умел вздыбить струны души вместе со снежной пылью.

Лисичка была милой – каждое её движение казалось точно выверенным. При том, на одном из этапов в расчёт добавляли детскую ошибку. В её грациозном беге всегда встречался один-единственный неуклюжий шаг. Голову она склоняла всегда чуть-чуть ниже необходимого; тогда глазки её вино-

вато смотрели исподлобья.

Лисичка была сладкоголосой – стоило её раскрыть пасть, как Сарра уже слышал её голос, порою, даже раньше, чем она успевала произнести первый звук. И слышал он его чище и звонче, чем тот был на самом деле.

А быть может, вовсе Ласса была и не такой. Но уж точно такой она запомнилась волчонку. А на поляне не было никого, кто сумел бы его разубедить. Только он и она.

Они долго резвились в снегу, раз за разом выпрыгивали на жертву из-за сугроба. Жертвой была еловая ветка, надёжно укреплённая Саррой в снегу. Тренировали захват. Юный охотник старался вести себя серьёзно, как Взрослые. Он с важным видом рассказывал лисице о тонкостях охоты, словно безмятежному ребёнку, хотя она, если и была младше него, то не на много. Ласса лишь смотрела на него понимающим взглядом зверька, готового учудить какую-нибудь шалость в любую минуту.

И она чудила. Иногда вместо мишени ловила в объятия своего наставника, а иной раз норовила укусить серого друга за ухо или за хвост. Тогда волчонок оборачивался к ней и наказывал недоумевающим взглядом круглых глазок. А та лишь заливалась колокольчиком: «Хи-хи-хи».

А в один момент она пропала. Пока Сарра ставил на место сбитую ветку-мишень, она скрылась. Дотащив поросль в

зубах до нужного места, юный охотник воткнул её в снег и огляделся. Не прыгали вокруг него бурые кисточки, и боков рыжих не было – ни одного.

Сарра вскочил на один из ближайших сугробов, чтобы осмотреться. В этот самый момент предательский, противный порыв Ветра – такой злостный, каких он не видал в своей жизни – сбил его с лап и столкнул вниз. Открыв глаза, Сарра обнаружил себя лежащим на спине в снегу возле блестящей насыпи.

Неужели Ветер стал так силён, подумал юнец. А ведь это только начало! Какую же силу называют Первородной? Какое странное слово. Кажется, мудрец Ор`таа упоминал ещё одно – «хаос». Да, вот оно – самое удачное имя для грядущего – хаос. Он говорил, что так называется полный беспорядок вещей в природе. А когда Ветер сдувает волка с места – это полный беспорядок!

Немного поблуждал, из-под лап доносился хруст. Он не звал лисичку, лишь переводил бесстрастный взгляд с одного великана на другого, надеясь зацепиться глазом за вспышку. Впрочем, не сильно.

Приходящее и уходящее – думал Сарра.

Как вспышка, она внезапно появилась в его жизни и также внезапно покинула её. Но волчонок не испытывал горечи, лишь невесомую, текучую словно вода в луже, тоску. Она не стала ему родной, а значит – не следовало переживать о

потере.

Также безучастно Сарра взглянул на лисичку, когда нашёл её в игольнице голых кустов у края ложбины.

Ей удалось поймать зайца. Его беспокойная туша умещалась в кроваво-красном углублении, а Ласса жадно, с чувством меры поедала добычу.

Сарра внезапно понял, что проголодался; он не ел с самого восхода. Однако виду не подал: он рассудил, что Ласса не станет отдавать ему свой обед, ведь они не родичи. Волчонок остался стоять неподвижно. Ветер трепал его густую шерстку: он действительно стал жёстче и холоднее... и сильнее.

Ласса подняла на него взмокшую мордочку и приветливо улыбнулась, будто впервые встретив Сарру.

– Чего стоишь? Присоединяйся!

– Но ведь это твоя добыча.

– Моя – не больше, чем твоя. Это же ты научил меня, как поймать зайца.

Сарра неосторожно приблизился к трапезе. Его обдало волной недоверия.

– Но разве... – он замялся. – Тебя не учили, что нельзя заботиться о знакомцах?

Ласса снова взглянула на сына своей Матери исподлобья с большим удивлением.

– Конечно, нет! – возмущённо вскрикнула она. – Отец учил меня делиться. А ты, наверняка, голоден, охотничек.

Да и никакой ты не незнакомец, Сарра, сын своей с Матери.

– Я не смогу ничем отплатить тебе за доброту.

– И не нужно. Мне будет достаточно того, что ты наешься.

И ничего мне от тебя не нужно взамен.

Ели молча, прислушиваясь к песне леса. Чавкали.

Сарра пытался обдумать нечто важное, что он понял, но для чего не сумел подобрать названия. Он понял, что относился к Лассе несправедливо: подозревал её в злом умысле, в то время, как умышляла она только благое. Не многие волки были готовы поделиться с ним своей пищей – что уж говорить о других животных.

И ещё он понял, что очень расстроится, если Ласса уйдёт, если он больше никогда не услышит её рыжий колокольчик и не увидит две бурых кисти, скользящие над белоснежным полотном Тундры.

– Почему ты сбежала? – поинтересовался волчонок, дожёвывая кусок.

– Я люблю учиться, но вместе с тем люблю отрабатывать полученный урок. Ты показался мне очень умным, но каким-то скучным, как наши лисы-старики. Они только и делают, что поучают и поучают без конца. С серьёзной миной...

– Ха, наши старики такие же... – Сарру торкнуло. Видимо, Волчий Волк напоминал о своём существовании.

Неужели он превратился в одного из них? Из Взрослых? Нет-нет. Это невозможно!

– Лисы вовсе не такие, на самом деле. Мы любим резвить-

ся под лучами полуденного солнца и давать друг другу прозвища. Тебя, Сарра, сын своей Матери, я назвала бы... Хмуряк!

– Ах так...

«Хмуряк», размышлял юный охотник, – значит, это правда. Значит, я становлюсь самым обычным серым волком. И телом сер, и душой сер. А в старости я, как Ор`таа, буду читать нотации и кряхтеть. И хмуриться всё время. Хочу ли я этого? Нет, конечно, я этого не хочу! Я этого боюсь!

Волчонок уткнулся мордочкой ковёр и обдал Лассу тёплой лавиной.

Поначалу та оцепенела. Потом медленно повернулась к нему и по своему обычаю едва заметно склонила голову на бок. Она – к нему. А он только и делал, что кричал «Рыжён-ка! Рыжён-ка!».

И они долго носились, вначале – по поляне, а вскоре – уже по лесу, в безуспешной попытке поймать друг дружку. Каждый раз, когда серая тень приближалась к красной, – судьба отталкивала их. Ласса не могла с ней бороться, а Сарра – не хотел.

И только спустя множество холодных зим, серый волк догадался, что на самом деле, в тот запечённый солнечный день – первый день, который ему довелось прожить от рассвета до самого заката – всё было совсем не так. Что на самом деле, судьба заставляла их с Лассой сближаться: находить и дого-

нять друг друга в бессвязном колючем лабиринте. А вот разбегались они уже по своей воле. Потому что Ласса могла, а Сарра – хотел. Но оба не знали, что такое любовь.

Он не желал отпускать её от себя. И всё же, она исчезла. Шмыгнула за один из тяжёлых стволов, а когда Сарра выскочил, её не оказалось на месте. Её, быть может, не было во всём лесу. А может, и на всём *белом* свете не было лисички Лассы.

Впрочем, это уже не имело значения. Он полюбил её, а значит, она была.

– Любовь – это когда не можешь «без», – заключила Мать-Волчица.

Над миром сгушались сумерки. Впереди – на западе – уже почти растворилась в ночном океане лиловая подушка Царя. Царь засыпал; наступала новая эпоха.

– «Без» чего? – вопрошал волчонок, силясь поспеть за мамой.

– Без объекта любви. Без того, кого любишь. Я не могу без тебя, не могу без Стаи... Не могу без Луны.

– Я тоже не могу без вас, – ответил юный охотник.

– Значит, наша любовь взаимна.

– Вза... имна? – переспросил.

– То есть, направлена в обе стороны. Если ты любишь лисичку, а лисичка любит тебя – ваша любовь взаимна.

А любит ли она меня? Наверное, нет, раз сбежала. С другой стороны, разве любовь обязана быть взаимной? Ведь я тоже люблю Луну. Не могу «без» неё. А она, наверное, может без меня. Что же это, плохо? Нет, вовсе это не плохо.

– А что ещё значит любить? – спросил Сарра.

– Творить добро для того, кого любишь.

Волчонок задумался. Луна освещала Стае путь во мраке. И не требовала ничего взамен. А Ласса поделилась со мною пищей. Выходит, и они любят меня. И любовь у нас взаимная! Только не замечал я этого! Как же славно, когда тебя любят! И как славно любить других!

– Мама! – воскликнул он в порыве счастья. – мудрец Ор`таа не прав! Нужно любить всех. И всех волков, и всех лисиц. И Старого Филина даже. Как снег мы любим или нашу Луну. Или как Небесного Волка я люблю!

А почему надо? Потому что любовь – это добро. И когда мы любим – любят нас, а когда любят нас – и нам добро достаётся. А ежели любить весь мир, то и мир тебя полюбит!

Если природе не только подчиняться, а ещё и любить её всю без остатка – как счастливо жить станет! И вольно!

Мать-Волчица ничего не ответила. Она глубоко задумалась. И долго она думала. До самого утра думала.

***

Минула первая неделя затяжного похода. Вопреки пред-

ставлениям Сарры об устройстве Тундры, двигаясь на запад, Стая всё явственнее погружалась в пучину ельников, лишайников, мхов и прочей растительности.

Ветер всё набирался сил. Самым пугающим было то, что никто не знал, откуда стихии удавалось черпать эти силы, и во имя чего творила она своё злодеяние. Быть может, взрослые ведали разгадкой, да только отказывались делиться ею с Саррой. В эти дни они сделались совсем молчаливыми от усталости. Печально и страшно было наблюдать за тем, как одна за другой в своре тухли пары глаз. Тот, чей взгляд угасал, тут же оседал, скукоживался, как замороженный жук, и переставал реагировать на окружающий мир. Лишь бесцельно продолжал перебирать ногами. Словно по привычке, как заговорённый.

Днём раньше не стало Адамма. Он утонул в зелёной пучине. Волк плёлся в веренице замыкающим, когда бешеный порыв Ветра со свистом мотнул его с протоптанной дороги в гущу леса. Но злодей не прекратил, не остановился на том, чтобы только припугнуть охранителя Стаи. Он надавил с новой силой, заталкивая Адамма в чашу.

охотников бросились было ему на выручку, да сами едва не сгнули под леденящее кровь завывание.

Последним, сорвавшимся с губ охранителя заклятием, стало обещание разыскать Стаю в будущем и вернуться. А затем он скрылся из виду.

Мало кто поверил его словам, а прочим – было уже всё равно.

О потере не говорили, и Сарра очень быстро забыл об Адамме. В детской памяти всегда найдётся место счастливым встречам и красочным забавам, а вот всё скверное – будь то потери или расставания – она, память-бишь, пропускает сквозь себя и выплёвывает за границы картины мира. Поэтому, а ещё потому, что было много иных забот, Сарра очень быстро забыл об Адамме. Неприлично быстро.

Привал устроили ровно в полночь – когда Луна встала прямо против земли. Ветер по-прежнему бушевал, правда где-то в другом месте. Стая, а если быть точным, сам Ор`таа, отыскивал удачный островок среди зарослей. Это было нечто вроде широкого кратера, глубиной в рост одного зрелого волка. На его дне растительностью и не пахло: разве что два догнивающих пня слегка отдавали пылью.

Настала пора охотиться. Волки по-прежнему добывали себе пищу под покровом темноты, так как не сумели приспособиться к дневному образу жизни. Не знали, как и кого можно загрызть, когда, освещённый солнцем, весь мир раскрыт перед жертвой, как книга в жёлтом абажуре лампы.

Сарра упрашивал Взрослых очень долго: вначале Ор`таа, затем Мать-Волчицу и, наконец, самого Риф`фу. Тот в итоге поддался уговорам юнца и помог убедить остальных.

Ему позволили отправиться за пропитанием, но только под присмотром матёрого охотника.

Риф`фа обладал выразительной тёмной шерстью с бежевым оттенком. Он был строг и внимателен, хорошо обучен и говорлив. Риф`фа великолепно охотился, потому что знал, чем чреваты неудачи. В своей первой вылазке по молодости он потерял глаз. Произошло это ещё до рождения Сарры. Теперь на его месте мутнело бесчувственное бельмо. С тех самых пор он никогда не возвращался без дичи.

Однако волк не был через чур суров, особенно с детьми. Юнцов он любил, и даже, порою, играл с ними, хотя и убеждал других в том, что воспитывать детёнышей должно в строгости и порядке.

Решено было отойти на четверть лиги от бивуака – на таком расстоянии и зверушки встречались чаще, и дотащить их к остальным не составило бы труда.

Мастер шагал уверенно. Ученик – семеня шагав, не подалёку, умело перепрыгивая палки, древесные корни и укрытые снегом ямки. Сквозь паутину пушистых сосен и ароматных еловых спиц, проглядывалось таёжное небо. Оно морозило глаза и леденило кровь в жилах. И тем не менее, оставалась в нём доброта. Небесный Волк не позволил бы ей пропасть во все.

Почему Небесный Волк? Ну а кто же ещё властен над си-

ним мраком и мертвенной тишью? Он, и только он руководит порядком. Но кто, в таком случае, руководит беспорядком?

Риф`фа отвлек волчонка от расслабляющих мыслей. Он затаил свою любимую мантру:

нюху и слуху. Они никогда не обманут подготовленного волка.

Сарра вздохнул.

– Знаю я. Уже столько раз мне об этом рассказывали, – пренебрежительно молвил он. – Что я готов расстаться со слухом, дабы не слышать очевидного вновь.

Риф`фа помрачнел и повесил голову. Казалось, волчонок чем-то задел его или обидел ненароком.

– Я говорю о том, – Сарра попытался загладить вину. – Что хочу показать себя в деле! На практике!

Ему вдруг вспомнился разговор с Лассой. Он почувствовал себя на её месте и в очередной раз убедился в том, что лисичка была права.

– Не зная теории, ты не сумеешь поймать даже синицу, – отвечал Риф`фа. – Я рассказываю тебе те премудрости, которыми поколения наши предки овладевали, растрачивая пот и кровь. Не ведая основ, ты рискуешь проделать этот длинный путь самолично. А повторение, как известно, – мать учения. Вот и выбирай, что ты хочешь повторить.

Сарру неприятно кольнуло в самое сердце. Он осознал, что Риф`фа прав, и он зря нагрубил наставнику.

– Но разве не может теория быть поинтереснее? – спросил он с надеждой. – Хотя бы чутка.

– Она такая, какая есть.

Последнюю фразу мастер произнёс почти бездумно. Его внимание приковал едва ощутимый аромат, вскоре коснувшийся и носа Сарры.

Лось. Один. Самец. Проходил совсем неподалёку – ещё можно нагнать.

Когда волчонок оказался с ним лицом к лицу, то чуть не взвизгнул. Он был готов всхлопнуться на месте от щекотливой смеси счастья и волнения. И всё-таки, Сарра сдержался. Но даже так Риф`фа осадил его и велел оставаться в засаде, дожидаться сигнала.

Шёрстка взмурашилась на юнце: тёмно-коричневый исполин словно попал в привычный мир по какой-то несуразной ошибке, просочился к нам из древних преданий о фантастических существах.

Тем удивительнее великан, коему впору сворачивать горы и корчевать вековые сосны, смотрелся копошащимся в мёрзлой земле в поисках корешков и прочего съестного. Вытянутым концом морды он разбрасывал веточки и комья снега, а из его широких ноздрей в воздух поднимался белёсый пар. Могучую голову венчали втрое превосходящие её размеры костенелые рога. За долгие годы жизни животного, они успели сплестись в загадочный узор, кончавшийся парой острей-

ших шипов. От них стоило держаться подальше – такие рога с лёгкостью острия способны проколоть самого толстокожего хищника.

Риф`фа незаметно обогнул зверя и показался из-за деревьев напротив подопечного.

Зверь глядел в неизвестном направлении – его пустые чёрные глаза не выражали ни страха, ни предчувствия. Должно быть, он ни о чём не подозревал. А может, наоборот, обнаружил, что попал в западню, и спасенья нет. Вот он и смирился со своей судьбой.

Тем более жутко Сарре далось понимание того, что он, хищник, в отличии от своей жертвы, – напуган. Охотник должен быть холоден и сосредоточен, не-то...

Тело волчонка окутал тихий трепет. Сарра попытался очистить разум от мыслей, превратить сознание в погребённый под слоем снега тундровый дол – пустой и бархатистый. Потому что знал, что отвлекаться нельзя; промедление может обойтись слишком дорого. И всё же, что-то было не так...

Хватило лёгкого наклона головы, чтобы Сарра всё понял. Ни мгновеньем позже положенного, ни мгновеньем раньше обозначенного. Он рванул вперёд. Не разбирая дороги. Дороги и не было – только торчащие ветки, о которые он поцарапался.

Юный охотник держал очи широко открытыми, дабы не

моргнуть ненароком, и всё равно не замечал ничего вокруг. Он, может быть, врезался бы в Риф`фу или убежал на край света, упал с обрыва, если бы перед ним, блестящая в свете Луны, не выросла непреступной стеной грудь исполина.

Лось встал на дыбы и пронзительно завопил, взывая не-то к пощаде, не-то к помощи. Так или иначе, этот крик отчаяния разнёсся по всему лесу, и даже стаи ворон взмыли в холодное небо, даже деревья затрепетали. А мохнатую физиономию зверя исказила нестерпимая боль.

Риф`фа оказался в точке невозврата раньше Сарры. Он впился зубами в бочину сохатого, а лапами ухватил его за спину. И нещадно грыз. Рвал плоть самозабвенно, будто боролся за свою жизнь.

Волчонка обдало едким жаром битвы, и он, не размышляя, как лучше подступиться к врагу, прыгнул на грудь его, впился когтями в ворсистую шкуру и подтянул задние лапы.

В Сарре проснулась небывалая ярость. Она проникла в каждую клеточку его тела, напитала силой лапы, челюсть, спину. Молнией в его голове успел промелькнуть обрывок фразы: «Так вот, откуда...».

Нанёс укус, ещё укус, ещё. Не глядя, смертельно.

А затем мир вокруг вильнул. Он взмыл, рассёк воздух и под тихий шёпот снега рухнул в его студёные оковы. Коснувшись пламенного сердца, оковы тут же рассыпались. Не теряя ни секунды, Сарра вскочил на лапы, и его взору откры-

лась ужасающая картина.

Риффа полулежал-полустоял, опёршись о широкий ствол старой сосны. По-видимому, его ударило с такой силой, что голова закружилась, и он не мог ни подняться, ни хотя бы оглянуться, чтобы увидеть, как мохнатый гигант, сдвинув корону наперевес, готовится нанести решающий удар.

И Сарра остолбенел. Сердце его ёкнуло в безумной попытке выручить наставника и оборвалось. Ни один мускул не поддавался. Всё его тело предательски отказывалось пошевелиться.

Сарра не умел напугать лося, отвлечь его или заставить обернуться. Он здраво сознавал, что один он – маленький, беззащитный волчонок – не сумеет даже сдвинуть могучего зверя с места. Но так же здраво сознавал юнец, что необходимо что-нибудь предпринять.

Сарра не знал, что делать. Он думал о самом худшем, и понимал, что стремительно теряет надежду. Он взвонил слепой взор к Небесному Волку, – но тот не отзывался. Он глухо обращался к Волчьему Волку, – но того сковал страх.

Все эти терзания продолжались не дольше взмаха самых крошечных крылышек.

Тогда самое худшее свершилось.

Каждый удар копыт длился вечность и отдавался плачем земли.

Безжалостно. Острые рога вонзились в живот оторопев-

шего волка и пригвоздили его к древесной коре.

Ни звука. У Сарры заложило уши.

Исполин отпрынул, ошарив от содеянного. Путаюсь в ногах и петляя, он сбежал, оставив за собой горячий след.

Оковы спали. Силы в лапах больше не осталось, и всё же, он побежал к Риф`фе. Ужасно боясь. За наставника. За себя. Неужели это правда?

Из бездонных ран сочилась густая тёмная кровь. Чужая. Она стекала на грубую шерсть охотника, из-за чего та становилась липкой и неприятной.

Глаза волчонка округлились, а пасть распахнулась сама собой. Риф`фа сопел и подрагивал. Он мог говорить.

– Сарра, – выпалил он. – Поспешите за помощью!

«За помощью». В голове у волчонка заиграл карнавал. Плясали бессвязные, глупые и даже опасные мысли, которые, однако, казались теперь самыми правильными и своевременными. Все разом, хотя ни одна из них не была доведена до ума. И кружились они в безумном и всё ускоряющемся вальсе.

Следовало либо послушно мчаться к другим волкам... С пустой пастью... Разве так поступает настоящий охотник?

Ему вспомнилась недавняя встреча с зайцем Ниссом. В тот раз он бросил подбитого зверька, потому что желал сохранить честь. Потому что судьба распорядилась так.

Но что такое честь? Лось ранен и напуган, на этот раз по воле хищников. Настоящий охотник всегда доводит начатое до конца. Честь для него – это сладкий вкус победы. Настоящему охотнику не следовало послушно мчаться за помощью. Ему следовало рвать, грызть, добывать. Без страха и сострадания. И всё же...

И всё же, Сарра не пошевелился. Всего один намёк, одно слово способно было убедить или разубедить его в том, что он поступает правильно. Но неоткуда было выцепить этот призрачный жест одобрения. Единственное движение Небесного Волка... Он бродил где-то далеко. И Волчий Волк ичпуганно молчал. Внутри совсем маленького волчонка повис массивный груз, имя которому – «ответственность».

И сейчас на его костлявых плечах лежала ответственность не только за него самого, но и за его опекуна.

Для незнакомого с этим словом зверька, ноша оказалась слишком тяжела. И он, Сарра, сын своей Матери, принял решение.

– Я... я приведу подмогу... Но сперва...

– Сарра, нет! – внезапно воскликнул Риф`фа. – Делай, что я велю.

– Я только догоню его. Ты глазом не успеешь моргнуть, как я уже приведу остальных...

– Нет же, Сарра. Нет. – слабеющим голосом молвил Риф`фа.

Волчонка распирало от неуверенности и рвения. Решение, каким бы оно ни было, принято. Медлить нельзя.

Или он попросту боялся передумать?

В одно движение Сарра развернулся и поскакал вслед за сохатым.

«Так вот, откуда он черпает силу. Ветер!».

След судорожно плутал в редколесье: обломанные сучья, рыхлые вмятины в снегу и, конечно, алые капли крови. Крупные, приметные, они кляксами марали лесное полотно и говорили о том, что великан вышел из схватки тяжело раненым.

Он выживет, помышлял юный охотник, он выкарабкается и не из таких передраг. И мы оба вернёмся в Стаю. Пускай раненные. С честью и добычей.

Честью Сарра считал успешную охоту. А саму честь мнил смыслом жизни любого волка, не понимая того, что честь – штука куда более сложная. Но эту истину юному волчонку на пути становления волком ещё предстояло познать на своём печальном опыте.

Теперь, бегунком двигаясь за кровавой нитью, он силился утешить себя. Обращался за советом к Волчьему Волку. Но Волчьего Волка не было рядом. Он остался там, с Риффой, сложил буйную голову на его изувеченную грудь и горько-горько плакал. Плакал о Сарре.

И на душе у волчонка томила сухая пустота. Часть его

оставалась в прошлом, в то время, как другая его часть неслась в неизвестном и часто меняющемся направлении.

Он настиг лося на краю обрыва. А над бездной, наконец, воссияла Луна. Большая дыра в небе – дверь в иную, бледно-жёлтую Вселенную. Небо показалось Сарре широким лицом, усыпанным веснушками звёзд. Единственным своим царствующим оком оно наблюдало за жизнью своих игрушек.

Только заснеженная скала, Сарра и исполин остались на всём белом свете. Из глубоких порезов сочилась жизнь, грузными тягучими каплями она падала наземь и топила белую холодную сажу. Лось пыхтел, томился и ждал.

Позади волчонка поднялась буря. Стихия вжала юнца в твердь, и он с трудом устоял на лапах. А Ветер всё визжал в ушах и гнал свои гибельные потоки вперёд, на юг.

Сохатый пошатнулся. Его нога с треском выгнулась, и он сорвался, издав оглушительный вопль, который вскоре затих. Вот так случилось: Сарра устоял, а лось – нет. Волчонок сделал несколько прыжков и остановил себя. Он замер в шаге от смерти. Шумного Ветра и след простыл – точно он исполнил свою волю.

К юному охотнику стало возвращаться сознание. И чем больше он вспоминал и понимал, тем страшнее ему становилось.

Он понимал, насколько необдуманно и дурно поступил, понимал, что навлѣк большую беду на Риф`фу и самого себя. Понимал, что их добыча досталась бездне.

Одного он не мог взять в толк: почему никто не помог ему? Никто не подсказал, как быть в трудную минуту.

Ему захотелось, чтобы время замерло. Ужасно захотелось. До скрежета зубовного. Чтобы он остался здесь, на краю пропасти, наедине с собой. И чтобы ему никогда не пришлось вернуться к своим сородичам, не пришлось отвечать за свой поступок.

Вот бы кто-то другой ответил за него.

– Небесный Волк! – взмолился Сарра. – Где же ты, когда я так нуждаюсь в тебе? Почему оставляешь ты меня одного?!

Ответ? Нет ответа.

А внизу, под лапами, стелился предрассветный туман.

Мать-Волчица смотрела куда-то выше и правее своего сына.

– Риф`фа мѣртв, – произнесла она, и этого хватило, чтобы на ресницах Сарры скопились слѣзы.

– Я лишь хотел... догнать жертву...

– И где она? – перебила мама.

Волчонок не нашѣлся, что ответить.

– Ты принял на себя ответственность, сын мой. Против своей воли, но принял. И никто не снимет её с тебя.

– Я даже не знаю, что это такое – «ответственность».

– Ответственность – это долг. Долг отвечать за свои поступки. И это ноша каждого взрослого волка – её нельзя переложить на кого-то или разделить. Лишь тебе отвечать за свои деяния. Тебе принимать почести и вину.

– Но разве не должен я хранить свою честь?

Мать-Волчица тяжело и глубоко вздохнула.

– Какой же ты ещё ребёнок, Сарра, – вынесла она свой приговор. – Честь остаётся при тебе, пока ты исполняешь долг. Когда твоего попечителя ранили, твоим долгом стало спасти его!

– Но как же мне понять, каков мой долг?

– Очень просто: слушай того, кого ты называешь Волчьим Волком.

Риф`фу припорошило снегом. Вокруг его тела столпились несколько волков. Их тоже припорошило снегом. Он хлопьями валил. Медленно и почти не больно.

***

Сарра погружался в себя медленно, как в трясину, и, в силу малого возраста, часто увязал. Он заваливал себя горами вопросов и старался самостоятельно отвечать на них.

Так, он установил, за кого уважающему себя волку следует нести ответственность. В первую очередь – за себя самого:

езде и всегда. Кроме того, волк несёт ответственность за всех тех, кто доверился ему, как это произошло, скажем, с Риф`фой.

Но если того можно было назвать родичем и, с горем-пополам, даже близким, то вот как быть с другими животными – оставалось неясным, ведь Взрослые не раз упоминали, что выручать их не следует.

Взять, к примеру, Нисса – того самого зайчика, которого Сарра спас от Старого Филина. Он тоже доверился волчонку, и Мать-Волчица позже похвалила сына за проявленную доблесть. Но как же так? Она же сама вторила другим членам Стаи: «Чужаки – не твоя забота». Разве же это правильно?

Такие думы полнили грудь юного охотника сомнениями, коим было не принято подвергать слова старших.

Тогда он обращался за разъяснениями к маме. И вот, что она говорила:

– Времена изменились, сын мой. Теперь перед каждым зверем, взрощённым нашим Северным воздухом, стоит задача выжить и сохранить своё племя.

– Но разве должны вслед за временем меняться понятия о чести и достоинстве? Обязаны ли в угоду коварному Ветру меняться и мы, Мама?

После этих слов Волчица тяжело и задумчиво вздыхала, оставляя детёныша без ответа. Такие разговоры за несколько прошедших со смерти Риф`фы дней превратились в подобие

ритуала. Несмотря на это, Мать-Волчица так и не сыскала слов или же, как подозревал Сарра, боялась произнести их вслух.

– Если завтра перемены принудят тебя отказаться от своего сына, сделаешь ли ты это? – не унимался волчонок.

– Сарра, не говори так!

– Сделаешь или нет? – всхлипывал он.

Горький ком подбирался к самой глотке, выдавливая слезинки. Молчание мамы холодило. Он пугался его, равно как трескучего ночного мороза, гадая, что может скрываться за суровым безмолвием.

Тогда волчонок раздражался фонтаном чувств, день ото дня скапливавшимся в маленьком его тельце. И он рыдал, уткнувшись носом в светлую шерсть. А Мать-Волчица ласкала его мягкой щекой и клялась никогда не бросать своё дитя. И Сарра понимал тогда сразу всё: и про доверие, и про честь, и про ответственность. И много раз они вот так говорили.

Ветер по-прежнему крепчал, несмотря на то, что Ор`таа вёл их в «спасительном» направлении. Среди волков вихрился водоворот негодования, втягивавший в свои потоки всё больше и больше представителей серого народа. Мышиной поступью ползли между елями слухи о том, что мудрец выжил из ума и водит сородичей кругами. И тем не менее, возмущались тихо, не предаваясь панике. И покорно шагали

вслед за умудрённым волком, потому что другой надежды у них не было.

Можно было подумать, что Ор`таа не слышал клеветнической молвы, либо не придавал ей значения – до того спокойно продолжал он следовать намеченному пути. Однако Сарра, проницательный малый, полагал, что даже в потаённых глубинах бескрайнего мира Ор`таа всходило семя сомнений.

К вечеру Стая добралась до просеки, которую парой недель раньше удалось бы преодолеть безо всяких трудностей.

Но не теперь.

Теперь злостный арктический Ветер, что с цепей сорвался. Незримая стихия вздымала белоснежную пыль в воздух над алым от зарева сумеречным покрывалом и уносилась прочь, на юг, дабы учинить ещё больше несчастий мирянам.

Стали думать, как побороть безумство. Сарра, которому предстояло разве что встретить решение Взрослых, вздумал прогуляться. Шастая поблизости, он заметил маленького дрожащего зверька под тревожной сосной.

По мере приближения Сарры, жёлто-коричневый пушок сжался до совсем уж неприличных размеров.

– Кто ты? – с любопытством поинтересовался волчонок, изучая животинку взглядом.

– Я Иммит, – уронил комочек, – бельчонок.

Бельчонок, значит...

– Меня зовут Сарра, – с гордостью заявил юнец, по своему обыкновению устремив мордочку ввысь. – сын своей Матери, волчонок на пути волка.

– А я Иммит, – испуганно повторил бельчонок.

Пауза показалась нескончаемой и лишённой смысла.

– Что тебе нужно по ту сторону? – вопрошал Сарра.

– Так вышло, – запинаясь поведал Иммит, – что что мои родители остались на другом краю Без-конца, покуда я выбрался за шишками в соседний лесок. Но теперь по всему Без-конца дует Ветер, и я лишён возможности вернуться к семье.

– Должно быть, «Без-конца» – это имя, которое ты дал прогалине, раскинувшейся перед нами?

– Если только «прогалина» – имя, которое ты дал Без-конца...

И вот я снова не знаю, как поступить, размышлял Сарра. Сердце, безо-всяких сомнений, призывает меня помочь малышу. Но вот разум велит оставить его на произвол судьбы. Только вот чей разум? Не мой, а...

Мать-Волчица прервала поток мыслей, толкнув сына под хвост. «Идём!» – сказала она, даже не обратив взора на Иммита. Стая, должно быть, вынесла вердикт. И Сарра повиновался движению Матери. Он утешал себя мыслью о том, что бельчонок не выказал доверия к юному хищнику, а значит, выручать его Сарра не обязан. И всё же, отворачиваясь от нового знакомца, юнец почувствовал укол совести и чуткое

понимание того, что он совершает ошибку.

Решено было действовать так: пересекать переправу по двое. Крепкие самцы будут прикрывать своими телами самок и молодняк от свирепого Ветра. Таким нехитрым образом мало-помалу вся Стая переберётся на противоположащий зелёный островок. Ключевым словом оказалось «мало-помалу».

План приводился в действие слишком медленно. Пока глядел на то, как очередная мохнатая парочка на подкашивающихся лапах пробирается сквозь глубокий снег, неистовой силой наливались мышцы, кости, когти...

О чём Сарра думал, когда бросился на растерзание стихии? Ни о чём, по правде сказать. В тот миг сознание его оставалось младенчески чистым. Он не сетовал на нерасторопность братьев, нет. Не думал о Матери-Волчице, не думал он и об Иммите.

Он порвался вперёд только потому, что стоять на месте надоело. Осточертело!

Уже потом, спустя много лет, Сарра понял, что в этом безумном порыве – все накопленные ранее тревоги. Все вязкие мысли и безответные вопросы, растворившие часы его жизни в своей пасти-мучительнице, взорвались совершенно наивной – опасно наивной – шалостью.

Позади кликали и даже хватались за ним. Да только не

догнали. Или не пытались догнать. А волчонок всё радовался тому, как правильно он поступил!

Пока сознание не потерял.

Распахнув очи, Сарра обнаружил себя спёртым в какой-то пещере, у которой, на первый взгляд, не было ни выхода, ни входа. Одна только темнота, обступившая волчонка со всех направлений так, что не было разницы, куда ступать.

Задумавшись о самом жутком, Сарра поднялся на лапы и побрёл прямо – туда, откуда слабо веяло ледяной дланью охранителя созвездий.

А если я умер? Пожалуй, что нет. Это было бы слишком просто. К тому же, я продолжаю здраво ощущать окружающий мир: чувствую бодрящий аромат Тундры, слышу песни светил и упрямо опираюсь на родную Северную землю свою.

Невдалеке замаячило пятнышко света. И волчонок, отбросив прочь всякие думы, ускорил шаг, а вскоре – и вовсе бежал к выходу, задыхаясь от радости. Вот уже на небе стали различимы огоньки звёзд. Освобождение из каменного плена всё приближалось, а вместе с тем юного охотника до самых кончиков пробирал трепет.

Я не умер! Я живу!

Вырвавшись из пещеры, Сарра опустил лапы на воздух и в первое мгновение испугался, что упадёт. Но он стоял, к своему ужасу, не ощущая почвы под собою.

Там, внизу, раскинулась не просто Тундра: взору совсем

ещё маленького детёныша открылся целый мир. С морями и пустынями, снегами и густыми тропическими лесами.

Где-то там, не здесь, бушевал Ветер. Рвал и метал. Падали с громадных высот водопады, извергались вулканы, и прочие бедствия терзали рассеянный по Земле народ, кажущийся с такой высоты до смешного несуразным.

А здесь – было очень тихо и спокойно, в этом «здесь». Как в космосе. Знать бы ещё, где это «здесь».

– Видишь, как огромен мир, Сарра, сын своей Матери?

Вместе с неземным голосом из-за спины волчонка появился золотого окраса мохнатый зверь с чуткой вытянутой мордочкой. Когда с его уст срывались слова, бархатным ковром вздрагивало сердце, и планеты вторили голосу волка.

На его лбу янтарным клином цвёл символ порядка. Это Сарра понял безо всяких разъяснений. Просто потому, что никак иначе символ порядка выглядеть не мог. Да и символ, подобный этому, не мог быть ничем иным, как образом порядка.

– И сколько же разных жизней хранит наша Земля... – озвучил свои мысли волчонок.

– Невообразимо много, – отозвался незнакомец. – ты постепенно подбираешься к истине, мой юный друг.

Волк присел рядом с волчонком и, ехидно улыбнувшись, взглянул на Сарру.

– Как ты думаешь, что позволяет всем им существовать упорядоченно, не разрушая мира?

– Наверное, забота, – пазл в голове его, наконец, сложился. – Ну конечно! Взаимовыручка! Если мы не станем заботиться друг о друге, а будем думать только о себе, то не будет и Стаи. Не будет Тундры, ведь Тундра – это все звери, населяющие её, взятые вместе, а не порознь! Не будет и Земли! Ведь если мы забудем друг о друге, то не будет ничего вообще.

– Мы не можем жить поодиночке, мой юный друг, – голос незнакомца мелодией разливался по маленькому тельцу. – Ты не выживешь в суровой Тундре один, без Стаи. Взрослея, ты должен сознавать, что на пути тебе встретится ещё уйма существ, не способных выжить без твоей помощи.

Сарра встряхнул головой и подумал о Лассе. Затем, о Ниссе и снова о Лассе. Как они там? Целы ли?

Незнакомец загадочно улыбнулся.

– Вы – Небесный Волк? – внезапно для самого себя спросил волчонок.

– Если угодно, – ответил тот.

– А мы сейчас, стало быть, на Луне?

– Если угодно, – с неизменной добродушной улыбкой повторил Небесный Волк.

– Тогда, наверное, ты знаешь, что произойдёт дальше? Стихнет ли Ветер? Спасёмся ли мы?

– Я не знаю. В отличии от тебя, Сарра, сын своей Матери, я в этом мире лишь наблюдатель. Но я могу сказать тебе, что в нём, в нашем с тобой мире, существуют силы порядка

и силы хаоса. Гармония наступает тогда, когда обе этих силы находятся в равновесии. Но стоит, скажем, беснующемуся Ветру склонить одну из чаш весов, как баланс оказывается нарушен, и мир погружается в беспорядок. Гибнут волки, птицы покидают свои гнёзда...

– Но Небесный Волк, – Сарра не на шутку встревожился, – если ты не в силах воспрепятствовать этому, то кто способен спасти мир от беспорядка?

Лунный зверь опустил взор на юношу, уголки его рта приподнялись, вновь образовав полумесяц и оголив белоснежные клыки.

Волчонку на долю секунды померещилось, что сейчас Небесный волк назовёт его, Сарру, сына своей Матери, спасителем Земли. Однако томный голос, миготом отозвавшийся в глубине молодой души, быстро разбил тревожные надежды.

– Каждый, – молвил он. – Каждый филин, каждый зверь вносит свою лепту в миропорядок. Пойми, Сарра, если бы от каждого из нас зависела одна только наша собственная жизнь, ничего из знакомых тебе вещей не существовало бы. Строго говоря, мой юный друг, не существовало бы и тебя. Но, к счастью, мы все по праву рождения несём ответственность за столь многие проявления судеб, что ты, малыш, сбился бы со счёта, взявшись сосчитать их.

Волчонок вдруг сообразил, что больше слов не нужно. Со всем нигде и никогда. Ему почудилось, что любого зверька

он теперь по одному взгляду, по одному вздоху прочтёт. Это, конечно, было не так, просто до того легко на сердце стало.

– А ты? – спросил он у сказочного друга.

– а я своё отжил, милый друг. Да и тебе, верно, пора.

И самая загадочная на свете улыбка исчезла самым загадочным на свете образом.

Впереди него болтался пушистый серый хвост охранителя. Лапы исхудавшего зверя с неслышным за воем стихии хрустом пробивали мёрзлую корочку и опускались в обжигающую пучину. Раган`т сопровождал Орну, хотя и был до того слаб, что как раз самке было бы впору защищать своего защитника от метели.

Позади тоже кто-то плёлся. Медленно. Туго.

Сарра взглянул на Иммита – тот норовил держаться поближе к волчонку, чтобы не только укрыться от колючих ударов, но и согреться в меховой шубке.

– Ты только держись поближе, друг, – выпалил Сарра и снова упёрся взглядом в сизую мглу. Да краем глаза приметил исполненную невыразимой благодарности мордочку бельчонка.

«И я помогаю» – беззвучно прошептал он сам себе.

Впервые в жизни волчонок не испытывал сомнений или угрызений совести. Он твёрдо знал, что делает всё правильно. И эта мысль пламенем горела внутри и согревала лучше солнца.

***

Не прошло и часу с тех пор, как над восточным склоном забрезжил рассвет, а волчонок уже носился беспокойным мотыльком среди своих сородичей. В безнадежных попытках растолковать открывшуюся ему тайну, Сарра врезался что есть мочи в серые бока и хватал зубами хвосты. В ответ – получал лишь озлобленное рычание и тычки.

В утробе Стаи вскипало и пенилось недовольство. На мещущегося под лапами волчонок не обращали особого внимания, потому что были заняты поруганием Ор`таа. В его сумасшествии были уверены уже почти все волки, за исключением Матери-Волчицы и двух других её благоразумных сородичей.

Они упрямо твердили, что мудрец делает всё возможное, дабы защитить свой народ, однако волки славились своим упорством, которое иной раз вредило им. Но коль скоро речь шла о целой своре твёрдых лбов, – убедить их в чём бы-то ни было не удалось бы даже Небесному Волку.

К несчастью для старого волчары, Ветер за последние дни разбушевался не на шутку и более не засыпал ни ночью, ни днём. Всё переменялось.

Вот они лёгкой поступью собираются вокруг Ор`таа, окружают его. Скалят зубы, рычат и пылают угрозой. Вот, старик замечает, что его обступили: вопросительно мотает головой

из стороны в сторону. Его кусают, его толкают и стучат лапами по слабой спине.

За всем этим со стороны следит крохотный волчонок. Последние свои силы волки тратят не на попытку к спасению, а на убиение себе подобного. И волчонок недоумеваает.

Не в силах вынести картины развернувшегося отчаянного танца свихнувшихся хищников, опасаясь стать свидетелем неминуемой жестокой расправы над последней искрой света во тьме охватившего Стаю безумия, Сарра бежит.

Сарра бежит, но не сбегает. Побег – это трусливый уход от опасности в надежде выжить. Однако юный охотник прекрасно знал, что он жив, и сиречь смерти бояться не нужно.

Он хорошо понимал, какова его цель: вернуть утерянный порядок. Волчонок понимал, что в одиночку ему не справиться. Чтобы в мире восстановился баланс, животные должны помогать друг другу. И Сарра был готов просить о помощи. Он даже знал, у кого, и чуял, в каком направлении нужно двигаться... Обретя гармонию, Сарра, наконец, в полной мере совладал с собственным нюхом, и органы чувств больше никогда не подводили его в трудную минуту.

План рождался прямо на ходу, но его мы покамест сбережём в тайне и сосредоточимся на том, что Сарра в считанные минуты пересёк четверть лиги в сторону океана. Коварный Ветер уже пускал свои ледяные щупальца меж окоченевших стволов, и волчонка то и дело обдавало жгучей прохладой.

Вместе с тем, ноздри всё отчётливее щекотал знакомый запах.

И вот, преодолев последний холм, у его подножия, в тени игольчатых великанов, волчонок разглядел две дюжины рыжих спин: одни – переливались золотом, другие, те, что поменьше – вовсе не блестели, но так же разнообразили привычный лесной пейзаж.

Не позволив себе долго любоваться диковинным народом, Сарра едва не кубарем скатился к ним. Он без труда отыскал её в толпе неотличимых, на первый взгляд, родичей. И всё же, зверёк выцепил её: самую пушистую, украшенную невинной улыбкой.

По правую сторону от Лассы расположилась её мать – утончённая красивая лисица, по левую – отец, крепкий лис с резкими чертами.

– Сарра? – взвизгнула она, и ушки её вздрогнули. – Вот уж не ожидала увидеть тебя.

– И я не стал бы тревожить тебя, не прими положение совсем скверный оборот...

Пока волчонок распинался перед своей подругой, он успел собрать на себе множество лисьих взглядов. Теперь же движение прекратилось, и вся хвостатая орава столпилась вокруг наглого чужака.

– Дело в том, – несмотря на это продолжал Сарра, – Что в моей Стае случился разлад, грозящий погубить немало жизней. Пока не дошло до кровопролития, я намерен вразумить

своих братьев. Однако в этом мне потребуется твоя помощь.

Сарра замолчал. Родители Лассы опустили на неё недоуменные мордочки, словно к ним вдруг привязали по валу-ну. Лисичка заговорила, поглядывая то на маму, то на папу.

– Я не могу оставить в беде своего друга. Однажды Сарра, сын своей Матери, оказал мне услугу, научив азам охоты. В свою очередь, я научила его тому, что помощь бывает безвозмездной. Теперь я намерена снова доказать, что лисы – преданные и благородные существа.

– Что ж, в таком случае, ступай, моя дочь, – могучий лис вздохнул угрюмо, но Сарра приметил в этом вздохе толику гордости за своё чадо.

Дальнейший путь отважных щенков пролегал в устланной снегом низине, по краям которой величественные сосны перемежались с украшенными белыми шапочками камнями. Последние в своих причудливых уборах походили на седовласых старцев, из-под сведённых бровей наблюдающих за детёнышами. В глаза било солнце.

Запыхаясь, Сарра рассказывал Лассе обо всём, что произошло за время их разлуки. Про трагическую кончину Риффы, про встречу с Небесным Волком и про баланс порядка и хаоса. Она покорно внимала. Лунный житель особенно заинтересовал лисичку, только она возмущалась тому, что Небесный Волк – был именно волком.

– Почему это он непременно должен быть волком? – упи-

ралась она.

– Почему бы ему не быть каким-нибудь иным зверем? Лисом, например.

– Потому что я видел волка, – искренне отвечал Сарра. – Если тебе доведётся говорить с Небесным Лисом, я не стану возражать.

И они продолжали свой бег, следуя за запахом зайца.

Серо-рыжая парочка остановилась в нескольких шагах от норки. Зиявшая в чистейшей белой насыпи дыра привлекала, пожалуй, больше внимания, чем требовалось.

Ни он, ни она не отваживались лезть внутрь, потому как знали, в каком неловком положении окажутся. Однако необходимо было что-то предпринять, и Сарра первым разорвал натянутую между ними нить.

– Ладно, – выпалил он. – Я полезу.

Лисичка ничего не ответила, а только тихонько рассмеялась и дважды ударила по земле своим пушистым хвостиком-кисточкой.

Нагнувшись, волчонок просунул нос в небольшое отверстие и окунулся в непривычно спёртый воздух. Сарра повернул голову несколько раз и влез в нору по самую шею. Слабого света, пробивавшегося в пещеру из оставшихся щелей, хватало для того, чтобы разглядеть стенки заячьего жилища, но вот здешних обитателей было не видеть.

– Эй, Нисс! – закричал Сарра в пустоту.

Никто не отозвался.

– Заяц по имени Нисс живёт здесь?

– Не знала, что вы теперь столь предпочтительны в выборе жертвы, – заметила зайчиха из глубины норы.

– А я вовсе и не собираюсь его есть! Я Сарра, сын своей Матери, и мне нужна помощь.

Спустя несколько секунд послышался знакомый голос.

– Не брани его, Кларра! Это мой товарищ, Сарра, волчонок. Я же рассказывал тебе, как он спас меня от старого Филина, когда со мной приключилось несчастье. И если его теперь нужно выручить, я помогу, что бы не потребовалось.

– Ну так вылезай из этой темницы, старый друг! – обрадованно провозгласил Сарра.

Однако, потянувшись назад, он обнаружил, что застрял. Хуже того, волчонок вдруг почувствовал, как кто-то впился ему в хвост...

В следующий раз зверята ощутили своё бессилие, стоя около уходящей высоко в небо сосны. Маленькое, едва заметное отсюда дупло было устроено на высоте добрых двадцати футов, преодолеть которые предстояло, взобравшись по гладкому – без единого сучка – стволу.

Ласса не умела лазать по деревьям, Нисс – и подавно. Справедливости ради, Сарра тоже ничего в этом не смыслил, но раз уж сложилось так, что замысел принадлежал ему, то и лезть приходилось волчонку.

Начал подъём, впившись когтями передних лап в мягкую

древесную кору. Подтянул задние лапки и соскользнул вниз – «шкурка» сосны оказалась слишком трухлявой, чтобы выдержать его вес.

Волчонку вспомнились слова Матери-Волчицы о том, что волкам место на земле. Это раздосадовало его и, осерчав на самое себя, Сарра подумал, что лично убедился в том: Взрослые нередко ошибаются.

Он предпринял новую попытку и на этот раз поглубже вогнал острия когтей в древесину. Она поддалась. Больше волчонок не соскальзывал. Даже когда на половине пути буйный порыв Ветра постарался отвернуть Сарру с избранного пути, он удержался и медленно, но верно продолжил взбираться к дуплу, скидывая передние лапы и хватая ствол задними.

Вскоре он уже сидел на соседствующей с дуплом пушистой ветви и с интересом заглядывал в беличий домик. Внутри было пусто: только высохшие еловые иголки, да пригоршня кедровых орешков: ни следа хозяев. Морозный воздух шерудил в его меху.

– Сара? – вдруг услышал волчонок из-за плеча.

Обернувшись, он увидел Иммита держащим в руках продолговатую шишку.

– Что это ты тут делаешь? – спросил бельчонок.

– Мне очень нужна твоя помощь, Иммит. Ты сам понимаешь, насколько, если только тебе не приходится часто видеть волков на деревьях. Члены моей Стаи вот-вот совершат большую ошибку, и мы должны помешать этому случиться.

Подсобишь, дружище?

Иммит удивлённо сморгнул поочерёдно обоими глазами и неловко кивнул.

Вернувшись к волчьей Стае, зверята застали столь ужасающую картину, что Сарра почувствовал укол стыда за то, что друзья видят его соплеменников охваченными губительной страстью.

Скалящиеся волки со всех сторон обступили высокий острый камень, на который чудом успел взобраться Ор`таа. Вид у него был растерянный; мудрец изо всех сил старался достучаться до толпы, увещевая в том, что ведёт он её к спасению. Это, конечно, было неправдой, хотя никакого злого умысла старик тоже не таил. Просто так вышло, что Ор`таа не знал истины, а Сарра знал.

Волки тоже не верили словам мудреца. Редкие из них даже подпрыгивали, готовясь растерзать обманщика.

В бурлящем сером море волчонок заметил оглядывающуюся Мать-Волчицу. Наверняка она искала своё дитя, полагая, что Сарра сгинул в жаркой давке. Значит, пришла пора показаться!

Конечно, выбор пал на самую видную позицию – только для начала следовало спихнуть с неё Ор`таа. Для этого волчонку и понадобились сподвижники.

Первым на камень вскочил Иммит: крохотному бельчон-

ку не составило труда пробраться среди топчущихся дымчатых колонн, оставшись незамеченным. Зато как был обескуражен Ор`таа, когда из-под его брюха выполз маленький мохнатый зверёк!

– Прочь отсюда, вредитель! Дай дорогу Сарре, сыну своей Матери!

С этими словами бельчонок укусил Ор`таа за лапу. Зубки у него были небольшими, но до того острыми, что мудрец подскочил и принялся отряхивать больную конечность.

Иммит скрылся также внезапно, как появился. Следующим на спасительный островок забрался Нисс. Встав на задние лапки перед Ор`таа, он заявил тому прямо в морду:

– Уступи место Сарре, сыну своей Матери, ты, трусишка!

Затем зайчонок развернулся и отпечатал задними лапами мудрецу прямиком промеж глаз. Так он и исчез в прыжке: одни только пятки сверкали.

Затем на холодном булыжнике оказалась Ласса.

– Слезай, трусишка! – произнесла она. – Только Сарра, сын своей Матери, знает, что делать!

Тут же лисичка укусила Ор`таа за хвост, и тот, не выдержав, взвыл от беспомощности, длинным прыжком преодолел большую часть окружавшей его прорвы и стремглав помчался прочь. Никто не погнался за ним – все волки упёрлись презрительными взглядами в Сарру.

Юный охотник твёрдо стоял на антрацитовый трибуне, так, что даже вольный Ветер не мог сорвать его с места –

только неистово бил волчонка в бочину.

В среде схожих голов, направленных к нему, волчонок разглядел одну, отличавшуюся от других, помимо окраса, тем, что она одна из всех озлобленных серых морд сохраняла рассудок. Это была Мать-Волчица. Уставившись на своего сына взглядом, сочетавшим в себе предвкушение и раскаяние, она одна ждала его слов. А Сарра заговорил для всех, и все, корчась от стужи, усилием остатков воли внимали его словам.

– Мои друзья, братья, соплеменники, а в общем, и все звери мира! – начал волчонок, поглядывая на собравшихся сверху вниз. – Прошу, выслушайте меня, Сарру, сына своей Матери, волчонка, прошедшего путь становления волком. Вы совершаете большую ошибку, гневаясь друг на друга: на меня, на Ветер, на Ор`таа, взвалившего на себя непосильную ношу. А всё от того, что вам не ведома истина. Состоит она в том, что на нашей с вами Земле господствуют две силы: силы порядка и силы хаоса. Хаос – это Ветер, это бури, наводнения, извержения вулканов – всё это я видел собственными глазами. Всё это показал мне Небесный Волк. Порядок же – это Луна, занявшая своё место на звёздном небосклоне, это Стая, дружба, любовь...

Ветер – всего лишь последствие, которое мы сами навлекли на себя. Чиня злобу, мы потакаем силам хаоса, склоняя весы в пользу раздора. Предаваясь эгоизму и гневу, мы сами навлекаем на себя невзгоды.

Тут волчонок запнулся и выдохся, долго перекрикивать свист Ветра было невозможно. Казалось, он становился сильнее с каждой минутой. Времени оставалось мало. Вот-вот стихия достигнет Первородной силы. Но вот, что делать дальше Сарра не успел придумать...

– Вот оно, как! – раздался едва слышный за гулом возглас из толпы. – Променили старого глупца на молодого. Что нам делать, умник?

Не придав значения приглушённому крику, Сарра задумался. Первородная сила... Конечно, нужно довериться природе – это всегда помогает. Ведь природа – это порядок. Как я мог забыть! А в чём заключена Первородная сила волка? В лапах, конечно! Вот оно, решение!

– А вы бегите! – воскликнул он. – Бегите! Так, как пожелаете! Так, как хочется! Так, как весело! Пусть будет стремительно! Пусть будет неслыханно! Пусть прямо из сердца!

На последней фразе волчонок сорвал голос, но не опустил головы, предвкушая, какая суматоха начнётся опосля его речи.

Никакой реакции не было. Стая не то что не сдвинулась с места – казалось, каждый из них замёрз и превратился в ледяную фигуру, настолько неподвижно стояли волки. И грозно пыхтели, поглядывая на Сарру.

– Ну же! – из последних сил всхлипнул волчонок.

Никаких сомнений. Он был прав и чётко понимал это. Это были не слёзы радости и не слёзы горечи. По его щекам скатились две капельки, собравшие в себе вымученное отчаяние. Сарра спрыгнул с булыжника и принялся нарезать круги по снегу, как угорелый. Тут же его примеру последовали Иммит, Нисс и Ласса. И вот движение уже начало приобретать форму. Не геометрическую, но смысловую. Потому что любое действие заключает в себе тем больше смысла, чем больше лиц в него вовлечены.

Немного поколебавшись, а затем отбросив всякие сомнения, за ними побежала и Мать-Волчица. Другие волки поначалу смотрели на мечущихся, как на умалишённых. Но вот один за другим стали присоединяться к ним. Вскоре не осталось никого на поляне, кто бы занимал своё место.

Вообразите себе: целая куча зверей беспорядочно носится по утопанному снегу. Они так увлечены своей детской забавой, что даже не замечают самого, пожалуй, важного. Ни одна иголочка во всей Тундре больше не колышется. На целый Север спустился покой. Ветер стих.